

Александр Огурцов

Этос философии науки

Александр Павлович Огурцов (1936 – 2014) – современный русский историк науки, культуролог, философ. Доктор философских наук, профессор. Муж философа С. С. Неретиной. Сфера научных интересов: история философии, методология и философия науки, история философских концепций науки.

С 1964 по 1967 годы работал научным консультантом в редакции журнала «Вопросы философии», затем в Институте международного рабочего движения (ИМРД) АН СССР. В 1968 году исключён из КПСС за письмо в защиту политических заключённых (А. И. Гинзбурга, Ю. Т. Галанскова и др.) и уволен из ИМРД.

С 1969 по 1971 годы был младшим научным сотрудником в Советской социологической ассоциации, затем – в Институте конкретных социальных исследований в группе по истории социологии. С 1971 по 1988 годы – старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР, с 1988 года – в Институте философии РАН: с 1992 года – заведующий лабораторией «Аксиология познания и этика науки», с 1994 года – руководитель Центра методологии междисциплинарных исследований.

Автор (и соавтор) ряда статей «Философской энциклопедии», в издании которой принимал участие. Учёный секретарь научно-редакционного совета «Новой философской энциклопедии» в четырёх томах (М., 2000–2001). Член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Эпистемология и философия науки», «Человек», «Личность. Культура. Общество», «Вестник РГНФ»; шеф-редактор журнала «VOX», член редсовета журнала «Идеи и идеалы».

В трудах А. П. Огурцова исследуются проблемы отчуждения, специфики философии, понимаемой как рефлексия культуры, социокультурного образа науки, который представляет собой рефлексию науки, выраженную: 1) в определённых концепциях науки, доминирующих в научном сообществе в тот или иной период; 2) в познавательных моделях и метафорах, используемых научным сообществом; 3) в выборе аксиологических оснований научной деятельности. Дисциплинарная структура науки понимается как способ организации знания, связанный с университетской наукой и с философией, понятой как наукоучение. Им рассмотрены различные концепции истории естествознания, начиная с просветительской и кончая марксистской (в соавторстве с Б. М. Кедровым), исследуются социальная история науки, её различные стратегии – макроаналитическая и микроаналитическая, даётся анализ как дисциплинарной организации научного знания, так и междисциплинарных исследований тех изменений, которые происходят «на переднем крае» науки (новых форм организации научного сообщества, «невидимых колледжей», научных школ и др.). Проанализированы взаимоотношения науки и власти, в частности тоталитарной власти. В последние годы Огурцов занимался проблемами философии природы, культуры и образования.

В исследованиях по философии культуры (соавтор С. С. Неретина) Огурцовым показано усложнение рефлексии о культуре в XX веке, превращение культуры в

универсальный способ обоснования философии и даже теологии в прошлом веке. Универсализация культуры в философии XX века привела к формированию социокультурного образа науки, которая существует наряду с гносеолого-методологическим подходом в философии науки и конкурирует с ним. Социокультурный образ науки существенно трансформирует прежние проблемы (в частности, проблему универсалий) и выдвигает новый круг проблем (релятивизация знания, объективности знания, несоизмеримости теорий, фундаментальной роли языка, аксиологического обоснования знания и др.).

Автор таких книг, как: «Марксистская концепция истории естествознания (XIX век)» (М., 1978; в соавторстве с Б. М. Кедровым), «Марксистская концепция истории естествознания (первая четверть XIX века)» (М., 1985; в соавторстве с Б. М. Кедровым), «Дисциплинарная структура науки. Её генезис и обоснование» (М., 1988), «Философия науки эпохи Просвещения» (М., 1993), «Философия природы: коэволюционная стратегия» (М., 1995; в соавторстве с Р. С. Карпинской, И. К. Лисеевым), «Время культуры» (СПб., 2000; в соавторстве с С. С. Неретиной), «Образы образования. Западная философия образования. XX век» (СПб., 2004; в соавторстве с В. В. Платоновым), «Пути к универсалиям» (М., 2006; в соавторстве с С. С. Неретиной), «Реабилитация вещи» (СПб., 2010; в соавторстве с С. С. Неретиной), «Концепты политической культуры» (М., 2011; в соавторстве с С. С. Неретиной), «Философия науки. Двадцатый век. Концепции и проблемы. В 3 частях» (СПб., 2011).

А. П. Огурцов – лауреат Государственной премии РФ (2003) за организационную работу по подготовке и изданию «Новой философской энциклопедии» (М., 2000–2001), лауреат премия ИФ РАН на конкурсе лучших книг за сборник «Методология науки: проблемы и история» (М., 2003). Награждён медалью «За вклад в развитие философии» Института философии РАН (2011).

– Александр Павлович, что вы можете сказать о современной русской философии? Следите ли вы за её трендами? И каких наиболее авторитетных представителей можете назвать?

– Я просматривал в киоске два тома сборника «Кто сегодня делает философию в России», вами подготовленные. Сразу хочу сказать, что подбор авторов мне не понравился, но это ваше дело. Мне не по душе и название, потому что философию не делают. Делают табуретки. А занятие философией напоминает скорее работу ткача, о чём писали и Платон, и Гегель. К глубокому прискорбию, нередко нити рвутся, и распадается связь времён.

Современная философия вообще вся разнолика. Помимо экзистенциалистов существуют защитники аналитической философии, феноменологии, герменевтики, религиозной философии. В русской философии аналогично. Эти тренды возникли не сейчас, а ещё в дореволюционной России, сохранились в крайне усечённом и подавленном виде даже в советское время. Конечно, в советский период наиболее интересны были работы гегельянизированного марксизма (Э. В. Ильенков, Г. С. Батищев). Это направление в модифицированном виде представлено в концепции коммуникативной рациональности и логики (в Германии – Ю. Хабермас, в России – С. С. Гусев и др.). Альтернативным был тренд, представленный М. К. Петровым (Ростов-на-Дону), подчеркнувшего значение И. Канта в анализе науки и развернувшего оригинальную системную концепцию мышления. Особняком стоит фигура А. Ф. Лосева, создавшего обстоятельную историю античной философии, а то, что она называется эстетикой, – это дань трансцендентальной эстетике И. Канта.

Среди представителей аналитической философии в XX веке назову Н. А. Васильева, Д. Д. Мордухай-Болтовского (известного переводчика «Начал» Евклида и лекций по средневековой философии, но, судя по его неопубликованным до сих пор рукописям, оригинального мыслителя). Среди представителей другого поколения назову Ю. А. Гастева и В. А. Смирнова Оригинальная концепция логики науки А. С. Есенина-Вольпина и В. В. Налимова (хотя его вероятностная модель науки больше известна за рубежом, чем у нас).

В наши дни тренд работ по логике представлен гораздо шире. Это связано с тем, что современная логика разрослась. Я напомним цикл статей о различных логиках в «Новой Российской энциклопедии» А. С. Карпенко. Аналитика естественного языка представлена группой «русистов» под руководством Н. Д. Арутюновой, издавшей серию книг «Логика языка». Их исходное понятие – концепт, хотя некоторые из них предполагают существование первичных универсалий. Помимо аналитической философии существуют феноменологи, продолжающие традиции Г. Г. Шпета, например, скончавшийся философ из Санкт-Петербурга – А. Г. Черняков.

В философии науки наиболее перспективны исследования представителей критического рационализма. Я назову лишь одно имя – В. Н. Садовского. Продолжателями философской школы «Диалог культур», основанной В. С. Библером, являются А. В. Ахутин, пытающийся осмыслить разноречье в понимании природы в античной и нововременной философии, С. С. Неретина, соединяющая философский концептуализм с исследованиями как современной, так и средневековой мысли.

Защитников религиозной философии в стране «нестя числа»: прежние математики, казалось бы, должны защищать рациональность, конструктивизм, строгость мысли, обратились к наследию «отцов церкви». Наиболее оригинальной здесь является концепция синергической антропологии С. С. Хоружего.

Думаю, что такое разноречье для философии перспективнее, чем единомыслие. Оно позволяет развернуть философию в спорах и в критике друг друга, хотя каждый философ тотализирует свои принципы, превращая их в универсальную схематику.

– Разделяете ли вы тезис о том, что вместе с концом истории (Ф. Фукуяма) закончилась и история философии, который отстаивает исследователь К. А. Свасьян?

– По моему мнению, всё это выдумки. Конец истории, если принять подход Фукуямы, отождествившего глобальность с вестернизацией по американскому образцу, вряд ли когда-либо наступит, поскольку сохраняется своеобразие цивилизаций, культур, политических режимов. История философии вопреки идее Свасьяна также не закончится, пока существует философия и исторические науки. Будут разыскивать новые документы, переводить иноязычных авторов. Может быть, Свасьяну в тихой Швейцарии и кажется, что всё утихомирилось, успокоилось и настала «божья благодать». Но, по-моему, споры между защитниками различных трендов в отечественной философии ещё впереди. Впереди и открытие новых документальных источников из различного рода хранилищ.

Хочу напомнить, что в конце XIX века была обнаружена и издана «Афинская политика» Аристотеля. Напомню, что 17 мая 1902 года около греческого острова Антикитерия подводными водолазами были обнаружены металлические фрагменты какого-то устройства. Они были помещены в музей. В 1951 году Д. Д. де Солла Прайс – известный англо-американский историк науки – выдвинул гипотезу о том, что это первый компьютер. До сих пор ведутся споры об идентификации этих остатков – то ли «архимедов планетарий», то калькулятор времён года и вообще времени. Это до сих пор

остаётся загадкой, но никто не отрицает важности этого открытия для истории человеческой мысли, в том числе и философской.

Множество рукописей не дошло до нас, многие не переведены с древних языков. Пора был уже составить список утрат на основании источников, упоминающих не дошедшие до нас работы философов прошлых лет. Это была бы карта лагун источников историко-философских реконструкций.

– Смогли бы вы написать альтернативную историю философии? Ведь не секрет, что в истории мировой мысли немало неpolitкорректных идей и имён.

– Со своей женой – Светланой Сергеевной Неретиной – мы издали книгу «Пути к универсалиям», которая в каком-то смысле является альтернативной относительно существующих подходов к истории философии. В другой нашей совместной книге «Реабилитация вещи» (СПб., 2010) мы старались выявить все метаморфозы понятия «вещь» (res) вплоть до научной мысли Нового времени, когда вещью называли даже искомое неизвестное число первой степени¹. В длительный период социологизма – от Маркса с его критикой фетишизма до социологического функционализма Э. Дюркгейма и его школы – вещь превратилась в превращённую форму социальных отношений, в их функцию. В современной философии чувствуется иное отношение к вещи и как к потребительской ценности, и как к раритету, и как к объективации человеческого труда.

Сейчас у нас наступают новые старые времена – времена оплёвывания того, что сделано предшествующими поколениями. За этим оплёвыванием ждите – эпоху доносов. А будет или нет Большой Террор – зависит от вас.

«Неpolitкорректные имена» для кого? Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс негативно относились к России, к русскому самодержавию и иногда к русским. Будет ли это альтернативная история философия? По-моему, нет. Анализ подобных рассуждений относится к политическим убеждениям и предубеждениям того или иного философа, занимая не самое главное место в его дискурсе.

Отечественная история философии трактовала движение философской мысли как восхождение или к признанной какой-то малой группой, или каким-то автором историко-философских штудий. Концепций истории философии в XX веке было предложено много: 1) социологические концепции, в которых философская мысль связывалась с теми или иными социальными группами (с классами у К. Маркса, М. Шелера и др.), с религиозными группами (М. Вебер, Р. Мёртон, В. Зомбарт и др.); 2) проблемная история философии в различных формах (как решение вечных проблем – В. Виндельбанд; как движение альтернативных тем (апоретика Н. Гартмана); 3) история философии как смена и противоборство различных мировоззрений (В. Дильтей); 4) история философии в её связи с развитием естествознания и математики (лучшим примером может служить многотомник Э. Кассирера «Проблема познания в философии»); 5) история философии в её связи с развитием искусства и искусствоведения (напомню работы Э. Панофского, П. А. Флоренского, А. Г. Габричевского). Менее известны исследования неокантианцев (А. Бринкман, Г. Вёльфлин), которые исследовали архитектурные и искусствоведческие проблемы под углом зрения формирования пространства (городской площади, живописных произведений и др.)

Ещё более грандиозная задача возникает при исследовании истории философии в контексте той или иной культуры – агорной, патронажной, университетской, академической, где сотрудники освобождены от функции преподавания и сосредоточены исключительно на научно-исследовательской работе. И, наконец, не надо забывать, что философия – удел мыслителей, работающих в уединении, и лишь

¹ См., например: Дж. Кардано. О моей жизни». – М., 2012. – С. 298.

после этого незаметного труда они выступают на кафедрах университетов и позднее выпускают свои книги. Наилучшим образцом такого мыслителя я считаю В. В. Бибихина, осуществившего грандиозную переводческую работу и вместе с тем читавшего ряд лекционных курсов и в МГУ, и в Институте философии РАН.

– Как вы считаете, достаточно ли у современной философии интеллектуальных сил для влияния на умы элит?

– Меня это влияние на умы элит не колышет. Потом надо вспомнить судьбу Платона, стремившегося оказать влияние на правящую элиту Сиракуз – его продали в рабство, и лишь его ученики смогли его выкупить. Конечно, политические элиты бывают разные – демократические, олигархические и т. д. Но при любых политических элитах дело философа и авторитарные устремления политических элит не имеют ничего общего. Если, конечно, философия не превратится в идеологическое оружие авторитарных элит. В наши дни влияние философии на читателей и слушателей резко снизилось. Потому нередко перед философами выдвигают очередную задачу – расширить своё влияние в публичном пространстве.

К этому добавьте неприязнь (это наиболее мягкое слово) властей предрержащих к академической науке и их упор на то, что ныне называется технаукой, то есть на прикладные исследовательские разработки. Но скоро того, что наработано в советский период в научно-теоретическом знании, не будет хватать.

В области философии мы живём в период нормальной работы: издаются книги и журналы, пишутся статьи (иногда интересные, иногда нет). Наша философия была на 70 лет оторвана от общемирового движения философии. Моим устремлением в то время, когда я вступал на «философское поприще», было стремление поднять планку философских исследований, не позволить опустить её ниже плинтуса.

– Можно ли считать русскую философию избыточным продуктом русской литературы?

– Нет. Это самостоятельные модусы культуры и, если литература заняла приоритетное место относительно философии в определённые десятилетия прошлого века, то только потому, что в эпоху Николая I её преподавание в университетах было запрещено.

Когда в наши дни американский философ Р. Рорти настаивает на том, что философия превращается в литературу, а вся история философии – в литературную критику, то он, по-моему, смешивает применение методов риторики и герменевтики в историко-философских реконструкциях с исчезновением самой философии. Расширение методов историко-философской работы с источниками отнюдь не тождественно элиминации философии.

Сколько было таких «предсказаний»! Ф. Энгельс полагал, что от прежней философии останется теория познания и логика. Действительно, в XX веке логические системы бурно развивались, начиная с «Principia mathematica» Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда. Для Уайтхеда вся история философии – это комментарий к диалогам Платона. Вместе с логикой развивалась и теория познания, например, простая теория типов, трудности которой были зафиксированы уже Платоном.

М. Хайдеггер объявил, что вся история философии, начиная с Платона, предаёт забвению бытие во имя сущего, что нужно возвратиться к бытию, а за бытием (das Sein) скрыто непостижимое и невыразимое бытие (das Seyn). Иными словами, уже в первой половине XX века онтология и метафизика выдвинулись на первый план у целого ряда мыслителей – Н. Гартмана, Дж. Коллингвуда, Ж.-П. Сартра и др.

Конечно, литературное творчество взаимодействовало с философским. Вспомним хотя бы «почвенничество» Ф. М. Достоевского или концепцию «непротивления злу» Л. Н. Толстого. Всё это весьма тонкие взаимосвязи, которые требуют деликатного исследования. Но одно ясно, если литературное творчество превращается в «побочный продукт» философии, то рождается «бастард». Примером этого могут служить рассказы М. Горького, который не без влияния философии Ф. Ницше создал фигуру Челкаша. И таких защитников нищезанятия в России было много, но что осталось от них?..

– Какой из философов, на ваш взгляд, оказал самое негативное влияние на развитие мировой философии?

– Любой эпигон от философии оказывает негативное влияние. Причём для каждого умного философа такой эпигон различен. Для Хайдеггера – это Платон и Аристотель, повернувшие в сторону метафизики сущего и отвернувшиеся от учения о бытии – онтологии. Эпигоны Маркса – прежде всего Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, К. Каутский, В. И. Ленин и др. Известны слова Маркса, сказанные П. Лафаргу: «В таком случае я – не марксист!» Ленин в своей так называемой «теории отражения» был эпигоном Энгельса. Эпигонов ленинизма трудно перечислить. Среди них были крупные мыслители, например, Г. Лукач, кардинально переменявший свои философские взгляды, вероятно, после заключения в Лубянской тюрьме и ставший идейным лидером восстания в Будапеште в 1956 году. Эпигоном Ф. Ницше был Э. Крик – идеолог национал-социализма в Германии.

Эпигонство, замешанное на устремление к власти и к влиянию на политические элиты, чревато утратой собственного смысла философии, а нередко связано с подтасовкой рукописей того или иного мыслителя. Известно, например, что сестра Ф. Ницше безжалостно сокращала и редактировала «Волю к власти», и потребовалась многолетняя работа публикаторов собрания сочинений Ницше для того, чтобы восстановить его аутентичный текст.

Эпигоном Ленина был его катехизатор И. В. Сталин, четвертовывавший диалектику в неких чертах метода и материализма. Поэтому любой эпигон, ориентирующийся на властвующую элиту, наносит непоправимый ущерб всей культурной жизни, в том числе и философской. Сколько философов было репрессировано, расстреляно и умерло в ГУЛаге! Сколько мыслителей вынуждено было эмигрировать или жить во внутренней эмиграции!

– Какое определение вам кажется наиболее адекватным: «русская философия», «российская философия», «философия в России»? Или у вас есть своё определение?

– «Философия в России» – наиболее адекватное обозначение. Дело в том, что словосочетание «русская философия» предполагает, что в ней существуют специфический категориальный аппарат, свои методы исследования и свои институции философской работы. Вряд ли может претендовать на самобытность такой категориальный аппарат, как «Все-единство» (перевод на русский язык немецкого «All-Einheit»), имеющего свои истоки в неоплатонизме) или «соборность» – это греческая «универсальность» или средневековая «кафоличность». Во всяком случае надо провести громадную историко-филологическую работу по выявлению философских понятий или претендующих на философское значение с тем, чтобы затем осуществить сравнение с лексическими словарями по философии других стран.

– Изжиты ли, на ваш взгляд, призраки диамата и истмата из современного преподавания философии в России?

– Нет, не изжиты. Особенно в провинциальных ВУЗах. Само различие диамата и истмата принадлежит эпигонам Маркса – Энгельсу и прежде всего Г. В. Плеханову. В истмате проводится учение о смене общественно-экономических формаций, а о том, что поздний Маркс, столкнувшись с существованием русской общины, начал размышлять об «азиатском способе производства, просто забыли. Между тем, этот подход к восточным обществам оказался перспективным. Именно обратившись к размышлениям Маркса об «азиатском способе производства», написал книгу «Гидравлическое общество» К. Виттфогель, где функция власти заключается в распределении воды в шумерском обществе. Дж. Нидэм написал многотомную работу, посвящённую науке и цивилизации Китая. Короче говоря, даже в рамках истматовских схем было возможно достаточно плодотворное движение.

– Выполняет ли такая учебная дисциплина, как «история и философия науки», которая пришла на смену кандидатскому экзамену по философии, свою задачу? Или положение философии в современном университетском образовании самое маргинальное?

– Конечно, нет. Такой курс, как «история и философия науки», не может выполнить в полном объёме задачу ознакомления аспирантов с философией. Правда, это во многом зависит и от преподавания, и от уровня преподавателя. Например, рассказывая о философии Г. Лейбница, имеет смысл отметить полемику между ним и И. Ньютоном о том, кому принадлежит приоритет в открытии бесконечно малых. При обосновании своей трактовки исчисления они прибегали к разным философским и даже теологическим обоснованиям «флюкций» и «флюид».

Я не знаю, чем и как вы определяете «маргинальность» той или иной научной дисциплины? Числом отпущенных часов на лекционный курс и семинары? Но в таком случае ряд дисциплин можно назвать маргинальными. Например, теория вероятности даже в технических вузах представлена в крайне незначительном числе часов, а без неё никакое прикладное знание невозможно.

Замечу, что курс по философии науки и техники читается для аспирантов, подготовляемых к сдаче кандидатского экзамена по тем или иным научным дисциплинам. Но что они знают о философии, если им не читается вообще курс даже истории философии? Ничего.

– Признаёте ли вы мирное сосуществование философов и философоведов (например, историков философии)?

– Мне не нравится слово «философоведы», которое образовано по аналогии с науковедением. Если науковедение получило в стране и в мире определённый и достаточно высокий статус, то «философоведение» – это что-то доморощенное. Если под словом «философоведение» имеется в виду занятие историей философией или отождествление всей философской работы с историко-философскими интерпретациями и реконструкциями, то, по моему мнению, нельзя сводить философию к истории философии.

Постановка теоретической философией новых проблем и выдвижение новых категориальных средств приводит к расширению поля историко-философских исследований, к новому видению старых проблем. Так, проблема понимания, ставшая центральной в философии после В. Дильтея, хотя и до него были работы о понимании (В. В. Розанов и др.) привела к разнообразным истолкованиям понимания не только психологическим, но и онтологическим (М. Хайдеггер), и коммуникативно-языковым

(К. О. Апель, Ю. Хабермас). Коммуникативная трактовка понимания не только легализовала психолого-лингвистические исследования, но и стала обсуждаться естественниками, столкнувшимися с разноречьем в классической и квантовой системах мысли. Напомню лишь о размышлениях В. Гейзенберга о проблеме понимания.

Нам не хватает добротных историко-философских реконструкций, осуществлённых со знанием и предмета, и методов исследования, и культурного контекста. Добротные историко-философские работы в последнее время появились: могу назвать книги В. В. Бибикина и А. Н. Круглова, исследования С. Н. Муравьёва о философии Гераклита и др. Это хорошие историко-философские «case studies», методика которых, к сожалению, у нас недостаточно разработана и известна.

К громадному сожалению, исследовательская работа, которая была осуществлена в зарубежных странах, далеко не полностью представлена ни в наших библиотеках, ни в Интернете. Даже исследования собственного философского наследия замкнуты на уже обсуждавшихся проблемах (судьба России, большевизм и Россия) и не происходит расширения источниковедческого поля философской работы. Правда, появились собрания сочинений И. А. Ильина, Г. П. Федотова, В. В. Розанова. Выходят (медленно, правда) сочинения К. Н. Леонтьева. Пожалуй, и всё. Между тем, без издания переписки философов, живших в эмиграции, трудно понять историко-культурный контекст их жизни и труда.

Если всё это вы называете философованием, то я за такое философование. Если под «философованием» вы понимаете ограничение философии историей своей мысли, то это резкое сужение смысла философской работы.

Отмечу, что и к истории философии можно применять количественные методы. Так, можно количественно представить приоритеты, отдаваемые тому или иному философу в журнальных публикациях за тот то или иной период. Но это будет показатель субъективных оценок того или иного философа со стороны философского сообщества. Хочу подчеркнуть, что это показатель статистический и его нельзя немедленно прилагать к оценке индивидуальной результативности и значимости того или иного учёного. Между тем, это основная ошибка не только чиновников от науки, но и «философов»: средняя температура по больнице становится в таком случае индикатором температуры индивидуального больного.

– Какой смысл вы бы вложили в такое словосочетание, как «принуждение к философии»?

– Я таких слов не употребляю. Философия не терпит ни суеты, ни принуждения. П. Фейерабэнд говорил о методологическом принуждении, когда та или иная концепция методологии (индуктивистская, гипотетико-дедуктивная и др.) становится «здравым смыслом» учёных, и они начинают использовать эту программу там, где отсутствуют какие-либо возможности для применения той или иной методологии. Так, методология «описательной физики» конца XIX века, не приемля любые объяснения физических явлений (субстанциальные, причинно-следственные и др.), выдвигала процедуры описания в качестве решающих и наиболее перспективных. То движение, которое связано с так называемой «описательной физикой», привело к построению механики без понятия силы (Г. Герц) и к другим квазипостроениям. Однако это движение было движением вспять, что и показало возникновение квантовой механики.

– Могли бы вы сделать набросок методологии науки будущего?

– В настоящее время я готовлю программу по методологии науки. Это будет программа спецкурса, где центральное место займут процедуры и акты научного мышления – от описания до различных видов объяснений, эмпирическое и

теоретическое знание, дискуссии относительно соотношения эмпирического и теоретического языка, выдвижение гипотез и построение теорий, генетический метод и формирование идеальных объектов теории, модели и их виды, взаимоотношения между теориями и др.

Я полагаю, что ядром методологии науки является идея правдоподобности и способы повышения правдоподобности теорий (непостижимая эффективность математики, иные функции эмпирического базиса науки, роль усложняющегося эксперимента в объяснении тех или иных феноменов и процессов).

– В чём вы видите преимущество философской методологии над научной методологией? Редуцируется ли философская методология к общей методологии мировоззрения, если не считать философию наукой и одним из видов мировоззрения?

– В этом вопросе я вижу несколько скрытых смыслов. Философская методология, по-моему, не имеет отношения к общей методологии мировоззрения (я вообще не понимаю, что это такое). Если имеется в виду «картина мира», создаваемая современной наукой, то это задача не методологии, а онтологии как осмысления предметных областей тех или иных научных дисциплин и теорий. Нередко эти онтологии альтернативны. Их надо выявлять, рассматривать и подвергать критическому анализу, причём не охаиванию, а корректному и осмотрительному пониманию. Так, онтологическая схема экологии – пищевая цепь, отношение хищник/жертва. Сводятся ли все отношения между животными лишь к этой онтологии? Нет, конечно. Поэтому уже давно (со времён П. Н. Кропоткина) сформировалась иная онтологическая схема экологии – экологии альтруизма.

Методология науки как часть философии науки выявляет особенности методов научного знания на том или ином этапе развития науки. Нередко она их универсализирует и создаёт новые возможности и перспективы для роста научного знания. Так создаётся то, что можно назвать методологическими программами, которые эффективны в своих пределах, но из которых учёный того или иного периода не может «выскочить». Так, методологию И. Ньютона связывали с индуктивизмом, что просто неверно. Методы теории относительности А. Эйнштейна сопрягали с эмпиризмом Э. Маха, что тоже неверно.

– Как вы думаете, почему в научном библиографическом шифре (УДК) философия стоит вместе с алхимией и колдовством?

– УДК, очевидно, составлял человек, далёкий от философии. Ему, очевидно, ближе колдовство, которое расцвело в нашей стране махровым цветом.

– Какой проект философии как науки в истории философии вам представляется наиболее адекватным природе философского знания?

– Из каких проектов философии науки вы предлагаете мне выбирать? Думаю, что наиболее значимым проектом философии науки была концепция «критического рационализма» К. Поппера, которая сохраняет свою значимость и по сию пору. Прежде всего, по-моему, потому, что он отдавал приоритет «вероятностной методологии». Это относится и к русскому мыслителю В. В. Налимову, который был известен больше в США, чем в России, хотя всю жизнь жил в России. И тот, и другой ориентированы, прежде всего, на физико-математические науки и их методы. Между тем, в наши дни сохраняется целый комплекс описательных наук (от географии до описательной минералогии) и формируются новые, далеко не стандартные теории (особенно в космологии) со специфическим отношением теоретического и эмпирического знания.

Всё это ещё предстоит осмыслить в методологии науки. Это, по-моему, позволит уяснить лакуны в методологическом оснащении науки и задать новые возможности для её дальнейшего движения.

Беседовал Алексей Нилогов